

Сейчас у Чу И была только одна цель.

Он увидел, как Бай Чжици сел в такси, тут же прыгнул в машину, завёл двигатель и поехал следом.

Автомобиль сорвался с места.

Чу И, словно опытный охотник, подался вперёд. Сквозь промежутки в потоке машин взгляд намертво цеплялся за жёлтый автомобиль впереди.

Мозг работал на пределе, уже проиграв сотню кровавых сцен, в которых он одну за другой ломает кости тому альфе.

Такси долго петляло и наконец остановилось у довольно тихой улицы.

Бай Чжици вышел.

Уходить не спешил. Он встал у дороги с элегантной осанкой и явно кого-то ждал.

Чу И припарковался неподалёку за углом, спрятавшись за другими машинами от взгляда Бай Чжици, и не сводил с него глаз.

Даже на расстоянии было видно, что сегодня Бай Чжици тщательно нарядился.

Белоснежный свитер с высоким воротом делал кожу ещё нежнее, а весь его облик — чистым и послушным.

Чу И почти не моргал.

Сердце грохотало в груди.

Спустя долгое время из конца улицы бесшумно, словно призрак ночи, выплыл полностью чёрный автомобиль и плавно остановился прямо перед Бай Чжици.

Приехал!

Та самая машина!

Во всём квартале красных фонарей второй такой роскошной не найти!

Чу И стиснул зубы, кровь мгновенно ударила в голову.

Он отстегнул ремень и распахнул дверь.

Сегодня он наконец увидит, какой слепой ублюдок посмел разрушать его семью!

Одним движением Чу И закатал рукава до локтей, обнажив крепкие предплечья, и яростно зашагал вперёд.

Но когда дверь автомобиля открылась и человек с водительского места попал в поле зрения...

Ноги Чу И словно намертво прибило к земле.

Он больше не мог сделать ни шага.

Это лицо...

Лицо, которое невозможно забыть, увидев хотя бы один раз.

Цинь Чуаньцы.

На нём было идеально скроенное тёмно-серое пальто. Высокий, стройный, с аристократичной осанкой.

В отличие от двух прошлых встреч, когда он держался отчуждённо, сейчас на лице была мягкая, воспитанная улыбка.

Цинь Чуаньцы достал с пассажирского сиденья огромный букет ещё не раскрывшихся тюльпанов.

Любимые цветы Бай Чжици.

Он протянул букет Бай Чжици.

Тот принял цветы, и на лице расцвела почти ослепительно сладкая улыбка.

Из-за неё обычно мягкие и нежные черты Бай Чжици мгновенно стали яркими до головокружения.

Они стояли рядом.

Один — высокий и элегантный, другой — тонкий и покорный.

Идеальная разница в росте, безупречно совпадающая аура — словно пара, созданная небом.

А на их фоне он сам казался клоуном.

Цинь Чуаньцы...

Почему именно Цинь Чуаньцы?

Чу И представлял сотни вариантов. Думал, что соперник может оказаться богатым коммерсантом, даже сыном какого-нибудь чиновника с влиятельной семьёй.

Он был готов порвать отношения со всеми, лишь бы вернуть своего человека.

Но в тот миг, когда появилось лицо Цинь Чуаньцы, вся подготовка превратилась в шутку.

Деньги, власть, внешность...

Даже уровень вторичного пола.

Он проигрывал во всём.

Более того, сам, возможно, ещё должен был зарабатывать на жизнь под рукой этого человека.

Чу И стоял неподвижно.

Он своими глазами смотрел, как Цинь Чуаньцы с безупречными манерами джентльмена открывает Бай Чжици дверь.

Как Бай Чжици с застенчивой улыбкой садится внутрь.

Кулаки Чу И сжались так сильно, что побелели костяшки, а тело слегка задрожало.

И в тот самый миг, когда Цинь Чуаньцы закрыл дверь...

Он словно почувствовал что-то и, несмотря на приличное расстояние, неожиданно бросил в

сторону Чу И лёгкий взгляд.

Взгляд был почти невесомым, без единой эмоции.

Но он словно самый острый меч пронзил Чу И грудь.

Тот инстинктивно отвернулся, неловко развернулся и быстро ушёл.

Он почти бежал, спасаясь бегством.

Но пламя внутри становилось только сильнее.

Это Цинь Чуаньцы бесстыдник. Это Бай Чжици предал его.

Так почему убегает именно он?

...

Цинь Чуаньцы спокойно проводил взглядом быстро удаляющуюся спину, затем сел в машину.

Бай Чжици осторожно укладывал букет тюльпанов на заднее сиденье, боясь помять хоть один лепесток.

— Спасибо, господин Цинь. Цветы очень красивые.

— Главное, что тебе нравятся.

Цинь Чуаньцы улыбнулся в ответ, но в голове всё ещё держал недавнюю сцену.

Особенно те глаза, полные нежелания уступать, ревности, злости...

Как его там звали?

Чу Юй?

Даже после двух встреч Цинь Чуаньцы так и не запомнил имя Чу И.

Но другое он помнил.

Цинь Чуаньцы как бы невзначай произнёс:

— От тебя будто немного пахнет розами.

Он сделал паузу и добавил:

— Запах друга?

Бай Чжици застыл.

В следующую секунду поднял рукав, понюхал, а затем снова надел мягкую улыбку и объяснил:

— Правда? Может быть. По дороге попался пьяный альфа, устроивший сцену. Наверное, случайно пристало.

— Вот как. — Цинь Чуаньцы кивнул и больше не спрашивал.

На самом деле Бай Чжици ничем не пах.

Значит, знакомы.

...

Автомобиль покинул шумный, хаотичный квартал красных фонарей и в конце концов остановился у высотного здания в центре столицы.

Цинь Чуаньцы вышел, обошёл машину и открыл дверь Бай Чжици.

Тот, держа букет тюльпанов, элегантно вышел и естественно протянул руку, обхватывая Цинь Чуаньцы за локоть.

Они бок о бок вошли в ярко освещённый холл.

— Добрый вечер, господин Цинь.

Давно ожидавший официант тут же подошёл и почтительно улыбнулся.

Он явно знал Цинь Чуаньцы. Никаких вопросов не потребовалось: мужчина слегка поклонился и повёл их вперёд.

Личный лифт плавно поднимался, цифры быстро сменяли друг друга.

Двери раскрылись на самом верхнем этаже ресторана.

На всём этаже стоял только один стол — прямо в центре. Четыре стены были сделаны из прозрачного стекла от пола до потолка, открывая без всяких преград ночной вид на большую часть сияющей столицы.

Здесь казалось, будто ты паришь над городом.

Официант помог Бай Чжици сесть. Тот сохранял спокойную, изящную улыбку, хотя сердце в груди билось бешено.

До падения семьи Бай он тоже часто бывал в этом ресторане.

И именно поэтому лучше многих знал его правила.

Столица — место, где людей лучше всего умеют делить на высших и низших.

Даже если у тебя несметное состояние, в ресторане «Юньдин» тебе всё равно укажут твоё место.

В ресторане двадцать этажей. Доступный этаж строго определяется богатством, властью и положением гостя.

Чем выше этаж, тем выше статус.

Семья Бай когда-то тоже была далеко не простой, но максимум, который мог забронировать его отец, — седьмой этаж.

А тех, кто имел право ужинать на самом верху, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

<http://bllate.org/book/19828/1952587>